

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 204–223.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 204–223.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-204-223

О ВОЗМОЖНОСТИ «ПРОРЫВА» К ПОДЛИННОМУ РОЗАНОВУ

Мария Сергеевна Чернявцева
Государственный академический
университет гуманитарных наук,
Москва, Россия, vivlaroy@ya.ru

 Аннотация. Статья посвящена проблеме противоречивости Василия Розанова. Понимание причин розановского разномыслия критически важно как для анализа истоков его взглядов, так и для более объективной оценки его творческого наследия. Некоторый ключ к пониманию противоречивости Розанова обнаруживается в переписке с П. Флоренским. С опорой на философию С. Кьеркегора выявляется экзистенциальная тревога автора, выражающаяся в страхе быть брошенным и, как следствие, дающая основу специфическому стилю розановского письма. Анализируется возможность прочтения «Листвы» как полифонического романа. При таком прочтении каждый «лист» выступает отдельным сиюмоментным голосом, не противоречащим остальным голосам, в контекст зарождения которых включается в том числе различная степень проявления тревоги, влияющая на душевное состояние Розанова, и, как следствие, на итоговую выписанную мысль.

© Чернявцева М. С., 2023

Ключевые слова: В. В. Розанов, тревога, С. Кьеркегор, полифоничность, М. М. Бахтин, противоречивость

Ссылка для цитирования: Чернявцева М. С. О возможности «прорыва» к подлинному Розанову // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 4. С. 204–223. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-204-223.

Memory of Culture

ON THE POSSIBILITY OF A “BREAKTHROUGH” TO THE AUTHENTIC ROZANOV

Maria S. Chernyavtseva

State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia, vivlaroy@ya.ru

Abstract. The article is devoted to resolving the problem of Vasily Rozanov’s inconsistency. Understanding the causes of Rozanov’s inconsistency is critically important both for analyzing the origins of his views and for a more objective assessment of his creative legacy. Some clues to understanding Rozanov’s inconsistency are revealed by analyzing his correspondence with P. Florensky. Based on the philosophy of S. Kierkegaard, the article reveals the existential anxiety expressed in the fear of being abandoned and, as a consequence, providing the basis for the specific style of Rozanov’s writing. The article analyzes the possibility of reading “Leaves” as a polyphonic novel. In this reading, each “leaf” acts as a separate momentary voice, not contradicting the other voices, in the context of the origin of which includes, among other things, different degrees of manifestation of anxiety, affecting the state of mind of Rozanov, and, as a consequence, the final written out thought.

Keywords: V. V. Rozanov, anxiety, S. Kierkegaard, polyphony, M. M. Bakhtin, contradictoriness

For citation: Chernyavtseva, M. S. (2023) “On the possibility of a ‘breakthrough’ to the authentic Rozanov”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 204–223. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-204-223.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) — уникальный русский мыслитель, публицист, литературный критик и художник слова. Взгляды Розанова и его творчество до сих пор вызывают крайне противоречивые оценки как у исследователей, так и у читателей. И это небезосновательно.

Известно, что с начала 1920-х годов Розанов был под запретом как «анти-семитско-церковный писатель» [Иванова, 2023, с. 178]. Местами такая оценка перешла и в современность. Н. К. Бонецкая в статье «Античная школа у монастырских стен» пишет, комментируя фрагмент переписки Розанова и Флоренского, посвященный «делу Бейлиса»: «Мне хочется подвергнуть сомнению уместность применения термина “антисемитизм” в связи со взглядами на еврейство (...) Розанова: этот термин слишком плосок и слаб, чтобы передать всю шокирующую невероятность, воистину сатанинскую злобу — духовную преступность и, главное, идейную ложь этих взглядов...» [Бонецкая, 2017]. И тем не менее реальное отношение Розанова к еврейскому вопросу было куда сложнее. В «Апокалипсисе нашего времени» он напишет: «Живите, евреи. Я благословляю вас во всем, как было время отступничества (пора Бейлиса несчастная), когда проклинал во всем. На самом же деле в вас... есть такое “зернышко” мира, которое — “мы сохранили одни”» [Розанов, 2015, с. 58].

Несмотря на «клеймо» церковного писателя, Розанова обвиняли и в еретичестве. В своих мемуарах Зинаида Гиппиус скажет по этому поводу: «Да, опасным “еретиком” был Розанов... Почему же все-таки духовенство, церковники, сблизались с ним как-то легче, проще, чем с кем бы то ни было из интеллигентов, ходили к нему охотнее, держали себя по-приятельски?» [Гиппиус, 2007, с. 19].

В контексте оценок современников также интересны сложные взаимоотношения Розанова и Владимира Соловьева. В 1894 году, после выхода статьи Розанова «Свобода и вера», между философами разгорается полемика из-за несогласия Соловьева с позицией Розанова относительно вопроса свободы: Соловьев в критической заметке «Порфирий Головлев о свободе и вере» как раз и назовет Иудушкой Головлевым самого Розанова. Тем не менее в одном из примечаний Соловьев напишет, что под именем Василия Розанова некогда вышла прекрасная брошюра, «ни по содержанию, ни по положению не имеющая ничего общего с новейшим произведением Иудушки: совпадение его псевдонима с именем автора той брошюры произошло, очевидно, случайным образом» [Соловьев, 1995, с. 283]. После примирения при личной встрече в 1895 году и вплоть до смерти Соловьева в 1900 году между философами больше не возникнет публичных конфликтов. В одном из писем от 1905 года Розанов напишет о доброте Соловьева и пожалеет, что в свое время не одаривал его

вниманием, но уже в 1909 году в письме Флоренскому от 21 июня Розанов ответит о Соловьеве: «Но с Соловьёвым я б. дурак — не разговорился о чертях. Он только в чертях и б. интересен: публицистика его, богословие его — по моему г..... Только стихи прелестны» [Розанов, 2010, с. 219].

И тем интереснее, что, несмотря на различия во взглядах и характерах, оба мыслителя точно сходились в одном — высокой оценке личности Н. Г. Чернышевского и расценивании его неправомерной отправки в вилюйскую тюрьму как несправедливой. Соловьев писал: «Было решено изъять человека из среды живых, — и решение исполнено. Искали поводов, поводов не нашли, обошлись и без поводов» [цит. по: Кантор, 2016, с. 492–493]. Также и Розанов не мог не предположить потенциальных губительных последствий этого акта для дальнейшей судьбы России: «В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но — взяли да и срубили его. Срубили, “чтобы ободрать на лапти” Обломову...» [цит. по: Кантор, 2016, с. 494]. И при всем этом Розанов оставался человеком, по взглядам не близким Чернышевскому [Кантор, 2016].

Также кажется неоднозначным и розановское отношение к верности в браке. Пока в теории семья «есть институт настолько дорогой и всячески священный, что избави Бог что-нибудь в нем *поколебать*» [Розанов, 2004, с. 21], на практике Розанов, будучи женат, не мог удержаться от кокетства со своими поклонницами (на 59-м году жизни). В письме Флоренскому от 26 августа 1915 года Розанов напишет: «Ну? Что мне было сказать? Они меня нежили. Я их нежил. С 4-мя “на ты”. Обнимал и целовал — да. Грудь — да. “Кое-что”. Но, клянусь: только был восхищен их душою, нежной, прелестной, “не от века сего”» [Розанов, 2010, с. 350].

Самооценка Розанова своей лабильностью также демонстрирует, казалось бы, абсолютную противоречивость его натуры. И если во втором коробе «Опавших листьев» он «весь судорожный и — жалкий. Какой-то весь растрепанный» [Розанов, 1990а, с. 334], то в «Мимолетном» 1915 года — «“Розанов Великолепный”: в *общем* изумительное зрелище труда, волнения, забот, сна и бессонницы...» [Розанов, 1994, с. 296].

Описанные выше примеры — лишь малая часть из тех видимых расхождений, что можно обнаружить, изучая Розанова. Легко примириться с его непоследовательностью, принять такую особенность за неотъемлемую черту характера — и списать на гениальные причуды или «юродское кривляние». Но при таком отстраненном взгляде от нас неизбежно ускользает возможность обнаружения *причин* розановского разномыслия, рассмотрения вопроса о том, не скрывается ли за видимой противоречивостью нечто более существенное.

Чтобы приблизиться к разрешению проблемы «противоречивости» Розанова, необходимо попробовать взглянуть на него самого безоценочно, увидеть в нем не шута или гения, но в первую очередь человека. Неспроста Эрих Голлербах отметит: «В Розанове писатель и человек поясняют и дополняют друг друга. (...) И вот почему в корне ошибочен формально-критический подход к Розанову... Его можно понять только “изнутри”, только психологический анализ может привести к постижению Розанова. Его “лицо” и есть его “философия”» [Голлербах, 1991, с. 4].

По нашему мнению, возможность прикоснуться к «Розанову-человеку» открывается с изучением его переписки. В ней мы можем захватить начало и конец дискуссии, зарождение и очерчивание концепций, их последующую корректировку. Мы можем проследить сам ход мысли и через это понять самого автора. Примечательно, что и для самого Розанова письма выступают лучшим вариантом литературы из-за своей непосредственности. В письмах, в отличие от продуманных до мелочей сочинений, «личность вдруг встает вся, и притом “как есть”» [Розанов, 1995, с. 431]. В сочинениях же, по мнению Розанова, автор «всегда играет роль. Ну, искренно, ну, гениально. Но только в письмах он — без роли; смиренный актер, без грима и костюма, который ест свой скромный ужин» [Розанов, 1995, с. 431].

Для начала стоит обратить внимание на одну интересную особенность, проявляющуюся в некоторых письмах: Розанов будто бы *в принципе* не заинтересован в собеседнике. На лестные письма он предпочитает отвечать подтверждающей похвалой в свой адрес, несколько не замечая собеседника и превращая ответное письмо в развернутый «лист». Адресат выступает кем-то вроде зеркала, в котором Розанов может рассмотреть себя с приятных (или, если точнее, *необходимых*) для него сторон. К примеру, в «бессмысленной мямле» Голлербахе Розанов увидел самого себя — и полюбил, с его слов, именно за конгениальность: «Главное в Вас качество, которое я полюбил и привязался к нему, это, что вы ужасно смешной и нелепый» [Голлербах, 1991, с. 68].

Переписка с Флоренским начинается по схожему сценарию и прерывается на «монологичном» ответе Розанова. Но *что-то* заставляет его продолжить писать Флоренскому после многолетнего перерыва, и дальнейшие письма трансформируются в буквальное *требование* ответа. Эта переписка примечательна еще и тем, что ее участниками выступают два проницательнейших философа своего времени. Каждый распознает в своем собеседнике скрытые, порой неприятные особенности души, отслеживает и предугадывает его реакции (причем безошибочно — что еще удивительнее). Перечисленные моменты и натолкнули нас на мысль о том, что именно переписка с Флоренским мог-

ла бы помочь подобраться к раскрытию тайны «противоречивости» Розанова. Позже на основе этого разбора мы сможем рассмотреть и саму «листву».

Начинается переписка 9 сентября 1903 года. В этот день молодой и еще не известный студент физико-математического факультета Московского университета Павел Флоренский (сочинение «Столп и утверждение истины», принесшее ему широкую известность, будет окончательно опубликовано только в 1914 году) пишет Розанову письмо от лица поклонника. Флоренский с удивительной прозорливостью открывает особенность творческой гениальности Розанова: «Вы, неизъяснимым, вероятно, и для вас способом, постигаете реальную данность в себе *Мощи*, *Uhrgrund*-а (=Ungrund-y) Бёме, Бога-Отца» [Флоренский, 2010, с. 10]. Это наблюдение Флоренского поможет нам в дальнейшем.

После некоторого перерыва, в письме от 20 ноября 1908 года, Розанов пишет Флоренскому о чтении его книги и просит (попутно назвав «Столп» «белибердой») разъяснить вопрос о «трансцендентных детоубийствах» — запрете чувственности. Примечателен конец этого письма: «Не понимаю: не считаете же вы меня идиотом; а если не считаете — *должны* мне ответить; в полете Вашей фантазии или мысли как *через убитого* (=побежденного) переступить через Розанова» [Розанов, 2010, с. 196]. Из этой приписки мы обнаруживаем, что Розанов жаждет *дуэли* и потому через активное нападение призывает к ответу. Но ждет он не столько разгромной критики от Флоренского, сколько ответа *в принципе*. Ведь в этом письме он изложил свои искренние сомнения относительно христианства, и *принятие* со стороны Флоренского (заключенное в самом факте ответа) Розанову невероятно важно. В следующем письме от 30 декабря 1908 года он напишет: «Я уже думал, что вы *не хотите* отвечать, и как-то скорбел в душе. “И этот прошел *мимо*”, “не взглянув” (в дыру моих сомнений)» [Розанов, 2010, с. 196].

Начало же письма от конца марта 1909 года подтверждает все наши предположения о намеренном «поддразнивании» со стороны Розанова — он признается в этом *сам*: «И я долго мысленно приноравливался, как написать Вам, с той или другой стороны Вас задеть и вызвать ответ». Но дальнейшее нападение уже не было столь необходимо, ведь Флоренский одним своим ответом подтвердил, что не отвергает Розанова, пройдя тем самым своеобразную «проверку»: «Я думал — Вы меня жестоко упрекаете, и вообще “ореол Розанова” померк в Ваших глазах... И вот Вы вспомнили, и, значит, все хорошо» [Розанов, 2010, с. 203].

Отныне Розанов все больше хочет «признаваться и признаваться» новому другу. В письме от 9 июня радость от нахождения родственной души достигнет своего пика: «Ведь я Вам все и обо всем говорю. Ведь я Вас (мы с Вами?) 1000 лет

знаю. “Точно двойшки в утробе матери”» [Розанов, 2010, с. 212]. Но одновременно с восторгом возрастает и страх отвержения: «Ну, что, мой милый: я скучаю без Ваших писем. Не могу поверить, чтобы Вы за что-нибудь на меня рассердились» [Розанов, 2010, с. 218].

Отдельного внимания заслуживает переломный период переписки, когда жену Розанова, Варвару, разбивает паралич. Розанов практически сталкивается со смертью первого принявшего его — неказистого «булочника»¹ — человека: любимой жены. Потерять ее означало бы остаться одиноким, словом — умереть («Без “беляночки” (жена) — нет меня» [Розанов, 2010, с. 243]). С усилением тревоги проявляется открытое самоуничижение, чего ранее в письмах не наблюдалось: «Как мне дурной представляется вся моя жизнь, вся моя личность (Вы были правы, не отвечая мне)» [Розанов, 2010, с. 241]. Примечательно, что молчание Флоренского в момент написания письма расценивается Розановым как *справедливое наказание*.

И тем не менее в этой ужасной ситуации он *тянется* к Флоренскому, часто используя его имя в восклицаниях, что в предыдущих письмах нами не замечалось: «Ах, как грустно, Павел: что это?»; «Ах, П., как страшно жить, как тоскливо»; «Ужасно, Павел, жить в мире» [Розанов, 2010, с. 239].

К слову, страх одиночества не покинет Розанова до конца переписки. В письме от 14 октября 1915 года он, как часто бывало в минуты усталости или тревоги, *отрывисто* напишет: «Сижу. Кой-что мараю. И все у меня в голове: “Павел”, “Павел”, “Павел”. Со мной это *часто*. И что придумал: я безотчетно вот уже *годы* боюсь что “Павел от меня отвернется”... И вот я боюсь или как-то вперед оплакиваю тот горький час, когда Павел слишком засохнет и стороною, обращенною ко мне... Ну вот мне и стало печально и *страшно*» [Розанов, 2010, с. 355–356].

Теперь на основе приведенного разбора переписки мы с уверенностью можем сказать: Розанов конституирует себя через Другого. В ответных письмах Флоренского он рассмотрел мерило своей самооценки — оттого так страшила холодность со стороны собеседника. Для Розанова, определяющего себя через близких ему людей, и паралич жены, и отвержение Флоренского приравниваются к *собственной* смерти. Этим и объясняется усилившаяся тяга к «Павлу» во время болезни Варвары — так Розанов хоть как-то стремился восстановить утерянное для себя основание.

¹ Розанов отзывался о своей фамилии: «Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал: “Немецкая булочная Розанова”. Ну, так и есть: все булочники “Розановы”, и, следовательно, все Розановы — булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать» [Розанов, 1990с, с. 210].

Таким образом, тревога «Розанова-человека» — в ожидании реакции Флоренского, в постоянной неизвестности о здоровье жены, в конце концов, в принципиальной невозможности контролирования Другого и нетождественности самому себе — раскрывается нам одним из важнейших факторов, влияющих на «Розанова-автора».

Но в чем *причина* его тревоги? Для ответа на этот вопрос было бы интересно рассмотреть фигуру Розанова с точки зрения философии Сёрена Кьеркегора. В первую очередь из-за отправной точки его философии: постулирования экзистенции, раскрывающей себя в самом акте человеческого существования, в определенных аффектах, сопутствующих человеку, — в страхе, тревоге, ужасе. Пребывая в страхе, человек один на один сталкивается с миром, в который оказался заброшен.

В этом контексте большое значение Кьеркегор приписывал «смертельной болезни» — отчаянию [Кьеркегор, 2019, с. 29]. Отчаяние — перманентная невозможность духа быть конкретным, адекватным самому себе. Центральный сюжет, который можно выделить в его учении, — три «стадии» (эстетическая, этическая и религиозная) ответа на отчаяние. Если начать разбирать их по порядку, то обнаружится, что в обыденном состоянии, соответствующем эстетической стадии, мы даже не подозреваем об отчаянии. (Особенность отчаяния в его диалектичности, и Кьеркегор это отмечает в «Болезни к смерти». Даже ощущающий себя отчаявшимся может не оказаться отчаявшимся, а не ощущающий отчаяния — на деле же пребывать в нем.) Наша экзистенция находится в хрупком положении, и эта хрупкость выражается в неосознавании отчаяния: человек не становится в саморефлективную позицию. Если посмотреть на естественное состояние в этическом срезе, оно соответствует состоянию невинности.

В главе «Понятие страха» одноименной книги Кьеркегор дает определение невинности: «Невинность — состояние незнания» о стремлениях духа, пребывающего в каждом человеке [Кьеркегор, 2009, с. 51]. В невинном, незнающем человеке дух спит и не может конституировать отношение между душой и телом, хотя и пытается: периодические прорывы дремлющего духа (выражающиеся в столкновении с внешним) предстают перед таким человеком опытом соприкосновения с неочерчиваемой силой, чистой потенциальностью и неопределенностью — с Ничто. Взаимодействие такого рода закономерно сопровождается страхом-головокружением (Angest), отличным от страха-боязни (Frygt), направленного на нечто *конкретное*. Покуда человеческое существо не может не сопрягаться с духом, избавиться от духа невозможно. И тем страшнее его прорывы, не подвластные осмыслению для невинного человека. Тем

не менее испытывать страх приятно: исполненный дремлющего духа ребенок, по мнению Кьеркегора, тянется к пугающим своей таинственностью сказкам и мифам из-за этой сладости, сопутствующей испугу.

Возвратимся к отчаянию: оно может либо не осознаваться вовсе, как в состоянии невинности, либо пробиваться к осознанию. Но индивид тем не менее останется в эстетической стадии осмысления отчаяния, покуда первичное осознание останется «отчаянием-слабостью» — желанием избавиться от собственного «я» через воображение, предпочитая своему «я» нечто более вдохновенное и совершенное. В этом состоянии пробивающееся «я», синтез конечного и бесконечного, впадает в существенный перекося в сторону бесконечного. Разумеется, в таких условиях «я» как дух не сможет даже пытаться стать адекватным самому себе вследствие подобного дисбаланса. «Я» у «эстетика» *рассыпается на фрагменты* из-за отсутствия крепящего стержня, а творческий порыв, выраженный в искусстве (как, например, у романтиков), «неминуемо соскальзывает к “скорбному бесчувствию”, к нарастающей импотенции сердца и иссушению чувств» [Кьеркегор, 2019, с. 21].

Осознание, соответствующее «отчаянию-вызову», ознаменовывает переход на этическую стадию. Стремление к иллюзорным «я» отбрасывается; человек на этической стадии желает стать самим собой. Индивид начинает нести ответственность за собственный выбор, ищет (и находит) стабильность и непрерывность «я» в сопряжении прошлого опыта с настоящим. И если первые две стадии отчаяния рассматривались с той точки зрения, где мерилom «я» все еще оставался человек, то религиозная стадия рассматривает «я» теологическое: «И какую же бесконечную реальность оно обретает благодаря осознанию того, что существует перед Богом, это человеческое Я, теперь существующее по мере Бога!» [Кьеркегор, 2019, с. 96]. Переход к этой стадии возможен только благодаря *вере*, «а верить — значит: будучи собою и желая быть собою, погрузиться в Бога через собственную ясную прозрачность» [Кьеркегор, 2019, с. 100].

После того как мы изложили основные интересующие нас положения философии Кьеркегора, попытаемся рассмотреть через них фигуру Розанова и определить его на одну из стадий осмысления отчаяния.

Как отмечено выше, детям, как существам невинным, по утверждению Кьеркегора, свойственен интерес к таинственному. «Живые страсти Библии, сексуальное начало в искусстве Древнего Египта, культ животворящего Солнца» [Николюкин, 2015, с. 27] — все это расценивалось Розановым как высшие *наличные* проявления человеческого духа. Как писал сам Розанов, «язычество есть младенчество человечества, а детство жизни каждого из нас — это есть его естественное язычество» [Розанов, 1990b, с. 392]. Можно вспомнить и отме-

чающие розановскую «детскость» описания современников. Например, у Гиппиус: из достоверного свидетельства — «А что такое Розанов без внутреннего, его потрясающего, интереса? Ребячески путает и путается, если не случилось наития, бранится — и ускользает, убегает» [Гиппиус, 2007, с. 35]; из более спекулятивного — хочется приписать ее стихотворению «Дьяволенок» запечатление именно Розанова в описании «не то дитя, не то старик» [Гиппиус, 1999, с. 177]. Такое прочтение стихотворения *просится* ввиду необычайной *органичности* в уподоблении стилю самого Розанова, но это, разумеется, останется в рамках нашего допущения.

Стоит рассмотреть и другой пример: Павел Флоренский в письме от 5–6 сентября 1918 года отмечает «детскую наивность» Розанова, его «чисто детские индукции *ad eхemplо ad omnia*» [цит. по: Бибихин, 2003, с. 132–132]. Что говорить, если и сам Розанов чувствует свою юность (вкуче со старостью): «На кой черт мне “интересная физиономия” или еще “новое платье”, когда я сам (в себе, в комке) бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне 1 000 лет, и вместе — юн, как совершенный ребенок...» [Розанов, 1990с, с. 212]. Как следствие, розановское состояние детскости не позволяет ему «ухватить» свой дух, но кое-что выдает в нем стремление к этому ухватыванию, к выходу из состояния невинности. Невинность — это все-таки незнание. Розанов сталкивается с таким незнанием постоянно. И чем страшнее или таинственнее осознание факта непонимания, тем острее вопрошание, и еще безличное и полузадумчивое «почему?» порой превращается в почти *отчаянное* «отчего?»: «Смотрите, злодеяния льются, как свободная песнь; а добродетельная жизнь тянется, как панихида. Отчего это? Отчего такой ужас?» [Розанов, 1990с, с. 511].

Такое столкновение с Ничто испытывает Розанов регулярно, и выписанное-выговоренное на «листе» предстает запечатлением этого столкновения, как у «эстетика»-поэта. И стоит лишь восхититься прозорливости Флоренского, еще в первом письме переписки усмотревшего в творческой силе Розанова «данность *Мощи, Uhrgrund-a*».

И вот парадокс — может ли человек оставаться невинным, *подозревая* о своем незнании? Невинность можно потерять только через вину. Вина же приходит со знанием и взятием ответственности за последствия принятого решения. Розанов почти заставляет нас поверить в то, что он знает и *понимает*, что «грешит», и сам в этом признается, но он не понимает причин такого расхождения желаемого и действительного: «Хотел бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотел бы, — то быть злым, вредительным. Тут я предпочел бы умереть» [Розанов, 1990с, с. 241]. К слову, Кьеркегор,

говоря об Адаме до грехопадения, отмечает, что категории духа содержатся в языке и оперирующему этими категориями не обязательно *знать* то, о чем он говорит [Кьеркегор, 2009, с. 53].

Чувства ответственности у Розанова также нет. Ведь у него нет воли, и он сам в этом признается: «Никогда в жизни я не делал *выбора*, никогда в этом смысле не *колебался*. Это было странное безволие и странная безучастность» [Розанов, 1990с, с. 249].

Беря во внимание его наивность и безвольность, мы приходим к выводу: фигура Розанова олицетворяет собой крайнюю степень естественного человека. Самый невинный человек, как очевидно, испытывает самую большую тревогу. «Я» Розанова сбивает в каждом «листе»: сейчас он экзистенциально ориентирован, на следующей странице воображение присоединяет его к бесконечному. Опыт в таком человеке не аккумулируется вокруг ядра личности, старые мысли забываются и отторгаются. Все это — болезненные перекосы, свидетельствующие о нестабильности духа.

Таким образом, обратившись к философии Кьеркегора, в частности к его понятиям невинности и отчаяния, мы выявили причину розановского разномыслия — болезненную разобщенность «я», и главным ее проявлением выступает именно тревога. Теперь, обнаружив специфику его «противоречивости», необходимо найти способ *читать* «Розанова-автора» так, чтобы нам удалось собрать воедино результат этой разобщенности и воспринимать его равноположенно. И здесь стоит обратиться к теории полифонического романа М. М. Бахтина.

Для начала нельзя не обратить внимание на очень важное связующее звено между Розановым и Бахтиным — Ф. М. Достоевского. И Розанов, горячо любивший Достоевского и через пару месяцев после его смерти женившийся на любовнице писателя Аполлинарии Суловой, и Бахтин создали работы, в которых анализировали творчество великого писателя — «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского» и «Проблемы поэтики Достоевского» соответственно. Также Бахтин настоятельно советовал читать Розанова своим ученикам, интересующимся творчеством Достоевского. Е. В. Иванова писала: «Вспоминая свою встречу и беседу с М. М. Бахтиным, Петр Васильевич Палиевский неизменно повторял полученное им тогда от Бахтина напутствие: “Читайте В. В. Розанова”» [Иванова, 2023, с. 176]. В этом контексте интересны слова Н. А. Бердяева о Розанове: «Он зародился в воображении Достоевского и даже превзошел своим неправдоподобием все, что представлялось этому гениальному воображению» [Бердяев, 1995, с. 42–43]. Да и сам Розанов, будто предвосхищая это сравнение, писал: «Это очень возможно: но не становиться же мне

немцем ради того, чтобы не походить на героев Д-го. Ведь все русские писатели (этого нельзя скрыть) — немножко немцы и экипированы по-немецки. Но как только “все снимешь” (я, “Уед.” “Оп. л.”) — станешь непременно “как из Достоевского”, т. е. просто “русским”» [Розанов, 1994, с. 303].

Попытку рассмотрения «Уединенного» и двух коробов «Опавших листьев» как романа предпринимал еще В. Шкловский: «Для меня эти книги являются новым жанром, более всего подобным роману пародийного типа, со слабо выраженной обрамляющей новеллой (главным сюжетом) и без комической окраски» [Шкловский, 1995, с. 326]. В свою очередь, Ф. Ю. Бородин отмечает, что «начало сравнения творчества двух мыслителей положила Анна Лиза Кроун, заявившая в своей книге “*Rozanov and the End of Literature*” (1978), что концепция диалога Бахтина “великолепно подходит” (*extremely useful*) для анализа творчества Розанова» [Бородин, 1995, с. 7].

На связь Достоевского, Бахтина и Розанова, а также на возможность рассмотрения творчества Розанова как полифонического романа указала С. М. Климова в докладе «Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина. Индивидуальная авторская мифология писателя как инвариант русской культуры»: «Знаменитая книга М. Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского” позволяет одновременно проникнуть и в поэтику В. Розанова, во многом повторившего диалогическую Ф. М. Достоевского» [Климова, 2008, с. 379].

В работе «Слово в романе» Бахтин отмечает, что роман — это «многостильное, разноречивое, разноголосое явление» [Бахтин, 2017, с. 17]. Разноречие и разноязычие романа складывается в стилистическое единство целого, в систему собственных «речей», а порой и целых «языков». Романное слово вбирает в себя диалекты, жаргонизмы, специфическую профессиональную лексику, жанровые или социально-политические языки — вплоть до того, что у каждого дня или даже часа будут иметься особые языковые маркеры.

Полифонический роман как существенно новый романский жанр, в свою очередь, впервые появился в русской литературе в XIX веке благодаря творчеству Достоевского. В полифоническом романе персонажи имеют свои собственные голоса и точки зрения, которые переплетаются в единую композицию. Таким образом создается многоголосный хор, в котором каждый персонаж имеет равное право на выражение своих мыслей и чувств.

В свою очередь, «Уединенное», «Опавшие листья» и прочие произведения в жанре «листвы» — прежде всего произведения художественные, поскольку сам Розанов отмечал, что после публикации им «Уединенного» прежняя литература должна была бы закончиться: «С “Уедин.” и “Опав. л.” начался новый фазис русской литературы... И вся литература прилегла в страхе. — Значит,

мы *не нужны*. Это полное ее безгласие и показывает, что сказано новое слово» [Розанов, 1997, с. 298].

Кроме того, важно отметить контекст создания «листвы» как таковой: «листва» — сборник случайных мыслей и заметок, пришедших в голову автору в разных ситуациях. Розанов признавался, что, с одной стороны, не хотел публиковать такой личный материал, но, с другой, понимал, что это сделать необходимо: «Почему я издал “Уедин.”? Нужно. ...слепое, неодолимое. *НУЖНО*» [Розанов, 1990а, с. 427]. Стоит отметить: слово «НУЖНО», помимо выделения регистром, вынесено Розановым посреди страницы для еще большего акцентирования на *непреодолимости* этого порыва.

По нашему мнению, творчество Розанова можно рассмотреть с точки зрения полифоничности — это небезызвестный подход в исследовательской среде. Однако зачастую фиксируемое исследователями розановское многоголосие рассматривается как особенность его композиционного построения, где вплетение «чужого слова» служит для усиления значимости слова собственного. Мы же предполагаем, что помимо разноголосицы как композиционного приема можно рассматривать каждый «лист» как совокупность обособленных в специфичности влияющего контекста *голосов самого Розанова* — и в таком случае произведение, изначально не задуманное как роман, представит в образе полифонического романа. Разумеется, подобное рассмотрение произведений в жанре «листвы» можно обозначить не иначе как «нестрогим следованием» этой концепции — формально говоря, романов, и уж тем более полифонических, Розанов не писал. Однако такая перспектива поможет нам ближе подобраться к самой фигуре Розанова как такового, без каких-либо добавочных оценочных суждений.

Достоевский как автор, со слов Бахтина, создавал собственных героев, собственный мир, где, в отличие от Гёте, разворачивал человеческую противоречивость в пространстве. О двойниках, содействующих этому разворачиванию, Бахтин пишет: «Можно прямо сказать, что из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится сделать двух людей, чтобы драматизовать это противоречие и развернуть его экстенсивно» [Бахтин, 2020, с. 43]. И если для Достоевского создание двойников — прием, служащий определенной цели, то для Розанова — *органическая* особенность его письма. Желая лишь опубликовать свои заметки, он, сам того не ведая, рождает настолько полифонический жанр, что герои (сами голоса Розанова) не просто сосуществуют наравне с автором, но отождествляются с ним. Как бы ни была преодолена объектность героев со стороны Достоевского, подчинение будет сохранено, пока персонаж остается продуктом писательского воображения. Абсолютное

равноправие голосов достигается именно там, где писатель не довлеет ни над кем, кроме самого себя.

В контекст, выстраивающий голоса, можно включить влияние ситуации (например, местоположения и запущенной от его воздействия цепочки ассоциаций) на возникшую мысль; силу тревоги, воздействующей на мировосприятие Розанова в момент возникновения мысли, последующий внутренний диалог Розанова с самим собой. Под воздействием описанных факторов сменяются точки зрения, и каждая из них выражена в *отдельном* голосе (и даже *языке*), запечатленном на отдельном «листе». Этим обилием голосов и обуславливается *текстуальное* разномыслие: как читатели, мы не имеем полного представления об условиях создания того или иного листа, о психологическом состоянии Розанова в момент написания и взаимодействуем лишь с выписанным последствием. Не зная контекста, мы стремимся объединить голоса Розанова в «цельный монологический голос» [Бахтин, 2020, с. 435]. Отсюда и проистекают упреки Розанова в противоречивости — ведь при таком рассмотрении уже имплицитно заложена ориентация на *единоречивость*. Несостоятельность монологического понимания единства стиля Достоевского хорошо перекладывается на схожее понимание Розанова: «Такой монологический мир “фатально распадается на свои составные, несхожие, взаимно чуждые части, и перед нами раскинутся неподвижно, нелепо и беспомощно страница из Библии рядом с заметкой из дневника происшествий или лакейская частушка рядом с шиллеровским дифирамбом радости”» [Бахтин, 2020, с. 29].

О внутреннем диалоге героев Достоевского мы можем понять из описаний их состояний, реплик автора и самих героев. И все это работает лишь в движении, где одна точка зрения сменяет другую; где различение этих точек зрения возможно только при равноположенности внутри произведения, когда каждый голос имеет собственное место и собственный смысл, равнозначный любому другому голосу. Творческая реальность Розанова «глубоко родственна художественной реальности Достоевского, с той несомненной разницей, что реальность Достоевского была вымышленной» [Иванова, 2023, с. 181].

Мы считаем, что цельное восприятие творческого наследия Розанова возможно лишь в контексте полифоничности. Новый «лист» образует новый голос, позиции сменяют одна другую — и все это раскрывает себя лишь при наличии некоторой равноположенной множественности голосов. Безусловно, когда мы говорим о голосах Розанова, то не имеем в виду, что его тексты не имеют некоторого центра. Как пишет Е. В. Иванова, «Розанов настаивал на том, что его творчество образует некое единство, куда входили не только кни-

ги и сборники статей, но и еженедельные газетные фельетоны и рецензии... Поэтому его творчество следует рассматривать как целостный художественный мир, в котором границы отдельных произведений не всегда имели значение» [Иванова, 2023, с. 180].

Один единый голос автора раскалывается на множество отдельных голосов как следствие фундаментальной экзистенциальной тревоги Розанова, выявленной нами ранее. Тревога здесь выступает одним из главных спусковых крючков для творчества — расколотое «я» автора вследствие *запечатления* на бумаге рождает обилие его творческих голосов.

Таким образом, каждый из голосов Розанова равнозначен любому другому его же голосу и в этом смысле истинен. Как пишет К. А. Ермилов в статье «Возможность утверждения в философии Розанова», «подлинное утверждение, на которое ориентируется Розанов, предшествует логическому различию утверждения и отрицания. То, что утверждается, утверждается без противоположного ему отрицания... противоречия в философии Розанова не предполагают их снятия» [Ермилов, 2019, с. 168]. Нам, конечно, хочется дополнить: если не предполагают снятия, то *нет* у Розанова и противоречий. Каждый голос Розанова утверждает нечто с позиции пережитого автором события — голос является следствием некой аффектации. В момент острого переживания мысли, рожденные и позже выписанные-выговоренные в виде «листа», являются для Розанова абсолютной истиной. Он настолько отдается сиюминутному аффекту, что в момент схватывания и выписывания мысли полностью уверен, что на ее место *никогда* не придет другая. Оттого и кажется ему «“сейчас — все употребительно”», но — «прошли годы, обернулся и скажешь: “ложь! ложь!”» [Розанов, 1990b, с. 334].

Список источников

Бахтин М. М. Избранное / сост. Н. К. Бонецкая. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. Т. 2: Поэтика Достоевского. 512 с.

Бахтин М. М. Слово в романе. СПб.: Пальмира, 2017. 229 с.

Бердяев Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе // В. В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во Рус. христ. гум. ин-та, 1995. Кн. II. С. 41–51.

Бибихин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с.

Бонецкая Н. К. Античная школа у монастырских стен // Звезда. 2017. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/9/antichnaya-shkola-u-monastyrskih-sten.html> (дата обращения: 27.07.2023).

Бородин Ф. Ю. О схолиях Бахтина к Розанову // Информационный бюллетень Санкт-Петербургского Фонда им. В. С. Соловьева. 1995. № 1. С. 7.

Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове // «Настоящая магия слова»: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья / сост., предисл. и коммент. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2007. С. 11–50.

Гиппиус З. Н. Стихотворения / сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с.

Голлербах Э. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. М.: Квазар, 1991. 84 с.

Ермилов К. А. Возможность утверждения в философии Розанова // Соловьевские исследования. 2019. № 2 (62). С. 168–177.

Иванова Е. В. «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтина и В. В. Розанов // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 175–196.

Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

Климова С. М. Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина. Индивидуальная авторская мифология писателя как инвариант русской культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций. VIII Международные Лихачевские научные чтения. 22–23 мая 2008 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гум. ун-та профсоюзов, 2008. С. 379–381.

URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/Sbor_full/2008_rus.pdf (дата обращения: 27.07.2023).

Кьеркегор С. Болезнь к смерти / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Академический проект, 2019. 157 с.

Кьеркегор С. Понятие страха // Герменей. Журнал философских переводов. 2009. № 1 (1). С. 49–56.

Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Академический проект, 2018. 154 с.

Николюкин А. Н. Миниатюры Василия Розанова // Розанов В. В. Миниатюры / сост., вступит. ст. А. Н. Николюкина. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 5–34.

Николюкин А. Н. Розанов в контексте эпохи // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2015. С. 7–34.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год // Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... / сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М.: Республика, 1997. С. 193–596.

Розанов В. В. О письмах писателей // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 430–433.

Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Сочинения. М.: Правда, 1990а. Т. 2. С. 421–629.

Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // *Розанов В. В. Сочинения*. М.: Правда, 1990б. Т. 2. С. 277–420.

Розанов В. В. Письма В. В. Розанова к П. А. Флоренскому // *Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А. Н. Николюкина*. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 194–412.

Розанов В. В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 829 с.

Розанов В. В. Уединенное // *Розанов В. В. Сочинения*. М.: Правда, 1990с. Т. 2. С. 195–276.

Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год // *Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное / под общ. ред. А. Н. Николюкина*. М.: Республика, 1994. С. 5–336.

Соловьев В. С. Порфирий Головлев о свободе и вере // В. В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во Рус. христ. гум. ин-та, 1995. Кн. I. С. 282–292.

Флоренский П. А. Письма П. А. Флоренского к В. В. Розанову // *Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А. Н. Николюкина*. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 9–194.

Шкловский В. Б. Розанов // В. В. Розанов: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во Рус. христ. гум. ин-та, 1995. Кн. II. С. 321–342.

References

Bakhtin, M. M. (2020) *Izbrannoye. Tom 2: Poetika Dostoevskogo [Selected. Vol. 2: Dostoevsky's Poetics]*. Ed. by N. K. Bonetskaya. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.

Bakhtin, M. M. (2017) *Slovo v romane [Discourse in the Novel]*. St. Petersburg: Pal'mira.

Berdyayev, N. A. (1995) “O ‘vechno bab'em’ v russkoy dushe” [“On ‘eternal woman’s’ in the Russian soul’], in *V. V. Rozanov: pro et contra. Antologiya. Kn. II. [V. V. Rozanov: pro et contra. Anthology. Vol. 2]*. St. Petersburg: RKhGI Publ., pp. 41–51.

Bibikhin, V. V. (2003) *Drugoye nachalo [Another beginning]*. St. Petersburg: Nauka.

Bonetskaya, N. K. (2017) “Antichnaya shkola u monastyrskikh sten” [“Ancient school by monastery walls”], *Zvezda [The Star]*, 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/9/antichnaya-shkola-u-monastyrskih-sten.html> (Accessed: 27 July 2023).

Borodin, F. Yu. (1995) “O skholiyakh Bakhtina k Rozanovu” [“About Bakhtin’s scholias to Rozanov”], *Informatsionnyy Byulleten’ Sankt-Peterburgskogo Fonda im. V. S. Solov’eva [Newsletter of the V. S. Solovyov St. Petersburg Foundation]*, 1, p. 7.

Gippius, Z. N. (2007) “Zadumchivyy strannik. O Rozanove” [“The thoughtful wanderer. On Rozanov”], in Nikolyukin, A. N. (ed.) “*Nastoyashchaya magiya slova*”:

V. V. Rozanov v literature russkogo zarubezh'ya ["True magic of the word": V. V. Rozanov in Russian literature abroad]. St. Petersburg: Rostok, pp. 11–50.

Gippius, Z. N. (1999) *Stikhotvoreniya [Poems]*. Ed. by A. V. Lavrova. St. Petersburg: Akademicheskiiy proyekt.

Gollerbakh, E. (1991) *V. V. Rozanov. Zhizn' i tvorchestvo [V. V. Rozanov. Life and work]*. Moscow: Kvazar.

Yermilov, K. A. (2019) "Vozmozhnost' utverzhdeniya v filosofii Rozanova" ["Rozanov's evidence: how is approval possible?"], *Solov'evskiyе Issledovaniya [Solovyov Studies]*, 2(62), pp. 168–177.

Ivanova, Ye. V. (2023) "Problemy poetiki Dostoyevskogo' M. M. Bakhtina i V. V. Rozanov" ["Problems of Dostoevsky's poetics' by Mikhail Bakhtin and Vasily Rozanov"], *Dostoyevskiy i Mirovaya Kul'tura. Filologicheskiiy Zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 1(21), pp. 175–196.

Kantor, V. K. (2016) "Srublennoe drevo zhizni". *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo ["Felled the tree of life". The fate of Nikolai Chernyshevsky]*. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.

Klimova, S. M. (2008) "Problemy poetiki Dostoyevskogo — Rozanova — Bakhtina. Individual'naya avtorskaya mifologiya pisatelya kak invariant russkoy kul'tury" ["Problems of the poetics of Dostoevsky — Rozanov — Bakhtin. Writer's individual authorial mythology as an invariant of Russian culture"], *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy. VIII Mezhdunarodnyye Likhachevskiyе nauchnyye chteniya [Dialogue of cultures and partnership of civilizations. 8th international Likhachov scientific conference]*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ. Available at: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/Sbor_full/2008_rus.pdf (Accessed: 27 July 2023).

Kierkegaard, S. (2019) *Bolezn' k smerti [The Sickness unto Death]*. Transl. from the Dan. by N. V. Isayevoy and S. A. Isayeva. Moscow: Akademicheskiiy proyekt.

Kierkegaard, S. (2009) "Ponyatiye strakha" ["The concept of anxiety"], *Germeneya. Zhurnal Filosofskikh Perevodov [Ερμηνεία. Journal of Philosophical Translation]*, 1(1), pp. 49–56.

Kierkegaard, S. (2018) *Strakh i trepet [Fear and trembling]*. Transl. from the Dan. by N. V. Isayevoy and S. A. Isayeva. Moscow: Akademicheskiiy proyekt.

Nikolyukin, A. N. (2004) "Miniatyury Vasiliya Rozanova" ["Miniatures by Vasily Rozanov"], in Rozanov, V. V. *Miniatyury [Miniatures]*. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Progress-Pleyada, pp. 5–34.

Nikolyukin, A. N. (2015) "Rozanov v kontekste epokhi" ["Rozanov in the context of the era"], in Rozanov, V. V. *Apokalipsis nashego vremeni [The apocalypse of our time]*. Moscow: Eksmo, pp. 7–34.

Rozanov, V. V. (2015) *Apokalipsis nashego vremeni* [The apocalypse of our time]. Moscow: Eksmo.

Rozanov, V. V. (1995) “O pis'makh pisateley” [“About the writers' letters”], in Rozanov, V. V. *Sobraniye sochineniy. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works. About writing and writers]. Moscow: Respublika, pp. 430–433.

Rozanov, V. V. (1990a) “Opavshiye list'ya. Korob vtoroy” [“Fallen leaves. Second box”], in Rozanov, V. V. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Vol. 2]. Moscow: Pravda, pp. 421–629.

Rozanov, V. V. (1990b) “Opavshiye list'ya. Korob pervyy” [“Fallen leaves. First box”], in Rozanov, V. V. *Sochineniya. Tom 2*. [Works. Vol. 2]. Moscow: Pravda, pp. 277–420.

Rozanov, V. V. (2010) “Pis'ma V. V. Rozanova k P. A. Florenskomu” [“V. V. Rozanov's letters to P. A. Florensky”] in Rozanov, V. V. *Sobraniye sochineniy. Literaturnyye izgnanniki. Kniga vtoraya* [Collected works. Literary exiles. Vol. 2]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika; St. Petersburg: Rostok, pp. 194–412.

Rozanov, V. V. (2004) *Sobraniye sochineniy. Semeynyy vopros v Rossii* [Collected works. Family question in Russia] Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika.

Rozanov, V. V. (1990c) “Uyedinennoye” [“Solitaria”], in Rozanov, V. V. *Sochineniya. Tom 2*. [Works. Vol. 2] Moscow: Pravda, pp. 195–276.

Rozanov, V. V. (1994) “Mimoletnoye. 1915 god” [“The fleeting. 1915”], in Rozanov, V. V. *Sobraniye sochineniy. Mimoletnoye* [Collected works. The fleeting]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, pp. 5–336.

Rozanov, V. V. (1997) “Mimoletnoye. 1914 god” [“The fleeting. 1914”], in Rozanov, V. V. *Sobraniye sochineniy. Kogda nachal'stvo ushlo...* [Collected works. When the authorities left...]. Comp. by P. P. Apyrshko and A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, pp. 193–596.

Solovyov, V. L. (1995) “Porfiry Golovlev o svobode I vere” [“Porfiry Golovlev on freedom and faith”], in V. V. Rozanov: *pro et contra. Antologiya. Kn. I*. [V. V. Rozanov: *pro et contra. Anthology. Book 1*]. St. Petersburg: RKhGI Publ., pp. 282–292.

Florenskiy, P. A. (2010) “Pis'ma P. A. Florenskogo k V. V. Rozanovu” [“P. A. Florensky's letters to V. V. Rozanov”], in Rozanov, V. V. *Sobraniye sochineniy. Literaturnyye izgnanniki. Kniga vtoraya* [Collected works. Literary exiles. Book 2]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, pp. 9–194.

Shklovskiy, V. B. (1995) “Rozanov”, in V. V. Rozanov: *pro et contra. Antologiya. Kn. II*. [V. V. Rozanov: *pro et contra. Anthology. Book 2*]. St. Petersburg: RKhGI Publ., pp. 321–342.

Информация об авторе: Мария Сергеевна Чернявцева — студентка 1 курса магистратуры, программа «Философия и современные научно-технологические вызовы», философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Адрес: Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер, д. 26.

Information about the author: Maria S. Chernyavtseva — 1st year graduate student, program “Philosophy and modern scientific and technological challenges”, at the Faculty of Philosophy of the State Academic University for the Humanities. Address: 26 Maronovskiy Pereulok, Moscow, 119049, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023;
принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 10.12.2023.